

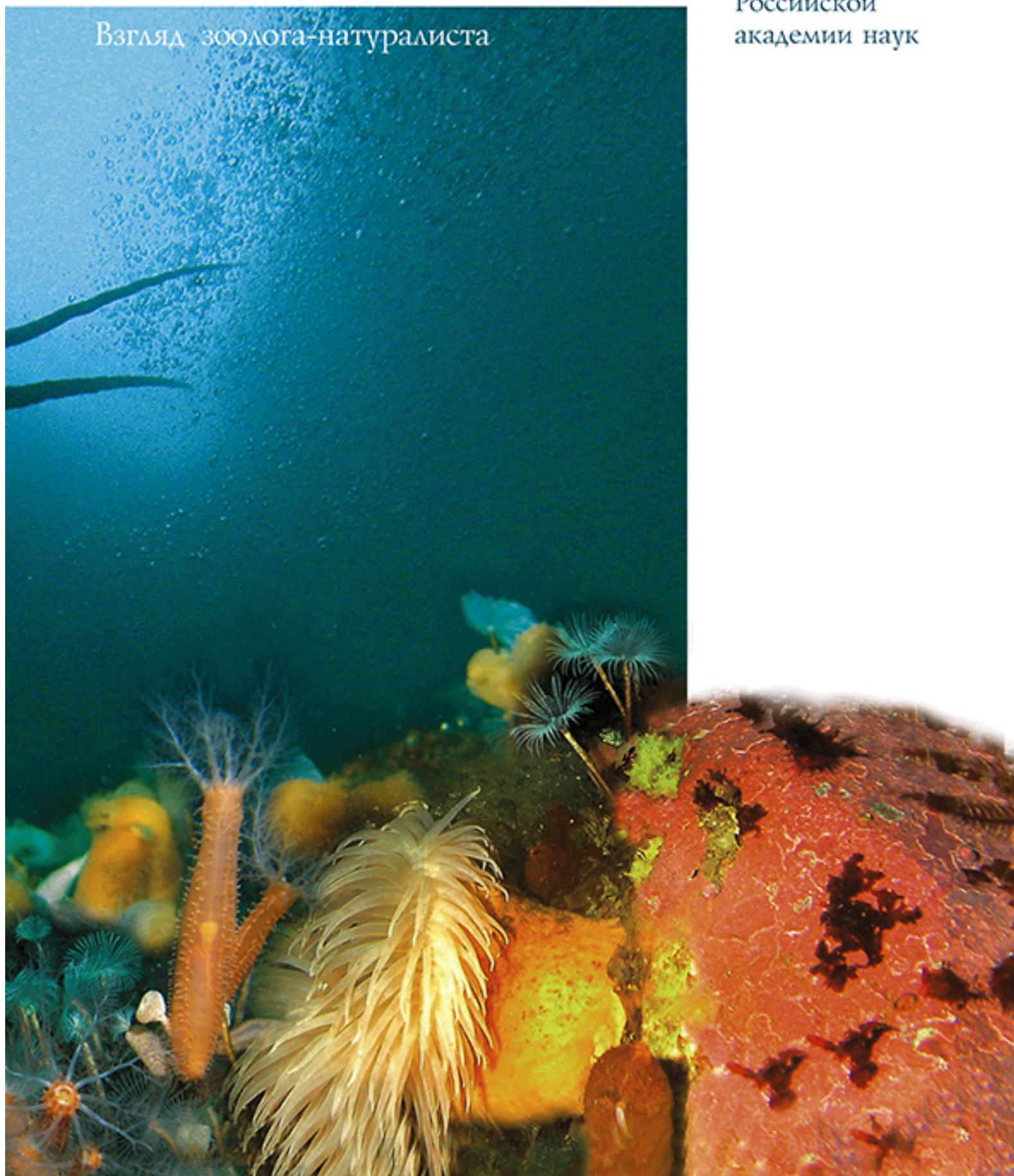
Разнообразие животных №7

Записки водолазного старшины

Взгляд зоолога-натуралиста

Зоологический
институт
Российской
академии наук

Разнообразие животных

Сергей Гагаев

**Записки водолазного старшины.
Взгляд зоолога-натуралиста**

«Товарищество научных изданий КМК»

2012

УДК 597.2+82-4
ББК 28.693.32

Гагаев С. Ю.

Записки водолазного старшины. Взгляд зоолога-натуралиста
/ С. Ю. Гагаев — «Товарищество научных изданий КМК»,
2012 — (Разнообразиие животных)

ISBN 978-5-87317-841-4

Об удивительном подводном мире, особенностях жизни и поведении беспозвоночных и позвоночных животных – обитателях Арктики и Антарктики: губках, многощетинковых червях, моллюсках, ракообразных, иглокожих, асцидиях, рыбах, птицах, тюленях, а также экспедиционной работе водолазов-биологов рассказано в этом выпуске серии «Разнообразиие животных». Книга предназначена школьникам, учителям, студентам биолого-медицинских факультетов, любителям природы, романтикам, искателям приключений, водолазам, любителям экстремальных видов спорта.

УДК 597.2+82-4
ББК 28.693.32

ISBN 978-5-87317-841-4

© Гагаев С. Ю., 2012
© Товарищество научных изданий
КМК, 2012

Содержание

Предисловие	6
Мелодии моря в арктических ритмах	7
У обрыва	7
Уха из гольца	18
Полёт на водолазной раме или ода пескожилу	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

С. Ю. Гагаев
Записки водолазного старшины.
Взгляд зоолога-натуралиста

© С. Ю. Гагаев, текст, 2012

© Т-во научных изданий КМК, 2012

* * *

*Посвящается памяти Александра Николаевича Голикова, моего
учителя, замечательного ученого – хорошего человека*

Предисловие

В одной очень любопытной книге¹ я прочла, что психологом были объединены в одну группу люди: сумасшедшие, заключённые и космонавты. Все якобы потому, что только сумасшедший согласится на такую жизнь и работу, как у космонавта...

Раз так, то я включила бы в эту группу еще и водолазов-биологов, которые опускаются под лёд в арктических и антарктических морях ради науки, изучающей морское население холодных акваторий. Никто их туда не гонит, никто не грозит увольнением с работы, если будут нырять... жены не грозят разводом... и даже, если пригрозят, они все равно будут опускаться под лёд, собирать фауну, а потом, вынырнув, будут сидеть на морозе, или в дико неудобных условиях лаборатории и разбирать поднятые с глубины пробы, раскладывать их в банки по принадлежности и затем, предвкушая итоговые результаты, везти этот бесценный багаж в центр научной цивилизации, где их по большому счёту никто, кроме семьи, конечно, не ждёт... А некоторые даже считают, что прогулялись, мол, поныряли в ущерб основной работе, теперь будут догонять, выполняя плановые темы. Им не платят за риск и героизм, их не обеспечивают нормальным питанием и оборудованием, о них не думают как о людях, идущих на подвиг, не пишут в газетах, не встречают с оркестром по возвращении, не награждают звездами героев. И слава богу, что в итоге они остаются живыми (ценой собственных усилий!), хоть и приобретают со временем адекватные профессиональные болезни.

Книга, которую читатель держит сейчас в руках, об этом. О работе этих людей, о природе арктических и антарктических зон Земли, о подводном мире этих зон. Написана она с юмором и может показаться, что всё, происходящее с энтузиастами-подводниками, очень весело и легко. Но вдумайтесь в прочитанное, в то, как водолаз, опускаясь вглубь, на 40 м под лёд, собирая пробу, не имеет права опаздать хоть на минуту, иначе кончится запас воздуха, должен всё время следить, чтобы не потерять из виду спасительный выход – майну, где его ждут товарищи. А потом, выйдя на поверхность, усталый, он должен тащить на себе салазки с пробами и оборудованием, иногда в гору, при том, что нет никаких сил и хочется смертельно спать. Так бы и лёг на этой горюшке и отключился бы на часок-другой. Но нет, он приходит в дом под смешным названием «Черепеха», где нет водопровода и туалета, где деревянный, накрытый плёнкой стол и досчатые нары (на них водолазы спят...) и садится разбирать пробы, которые еще надо зафиксировать, а то пропадут все усилия по сбору. И только потом, потом поесть и ещё потом завалиться спать. А утром – все сначала. Долбить эту чёртову майну, уставать ещё до погружения, усталому идти под лёд, выбирать площадку для сбора материала и при этом следить, следить, следить за временем, за воздухом в акваланге, за концом, который связывает тебя с поверхностью, за майной (где же она? а, вот!). Разве такая, на пользу науке работа не называется подвигом?!

Хочется крикнуть: «Эй, Государство! Подумай о своих гражданах, чей неуёмный энтузиазм на пользу твоей науке даёт ощутимые результаты! Итоги впечатляют академиков во время отчётных докладов с высокой трибуны! Подумай, позаботься о них и создай хотя бы минимальные условия для их работы и жизни – одень, обувай достойно и накорми героев, как подобает».

Гимн Вам, безумцы-энтузиасты! Будьте всегда в форме и работайте, хоть и бескорыстно, на нашу с вами науку. Успехов Вам!

С. Д. Степаньянц

¹ Батурич Ю. 2011. Повседневная жизнь российских космонавтов. М.: Молодая гвардия.

Мелодии моря в арктических ритмах

У обрыва

*Как дороги друзья, ты узнаешь
Расставшись с ними.
Лишь тогда поймёшь,
Что не найти аналогов –
Всё тщетно:
Их Бог даёт,
Увы, не всем и неохотно.*

1

День пропадал. Вместе с ним пропадала надежда на выход в море: она захлёбывалась в бело-жёлтых волнах прибоя, которые бросал на галечный берег бухты шквальный ветер по имени Южак; разбивалась с солёными брызгами о стены близстоящих домов; умирала с уходящими минутами. С отчаянным рёвом ветер врвался в узкие проходы между домами, веселил души и отдавался болью в головах горожан.

Катер «Вуквол». Фото. С. Гагаева.

О выходе в море нечего было и думать: портнадзор явно не позволит выйти дальше акватории порта, если даже упрашивать дежурного, стоя на коленях, тридцать с лишним метров в секунду – не шутка. До окончания экспедиционных работ оставалось немногим более полумесяца. Это катастрофически мало, если учесть, что почти столько же времени, отведённого на исследование Чаунской губы, уже потрачено. Шеф, для которого безделье, даже вынужденное, всегда ассоциировалось с концом света, был мрачен. Он перестал воспринимать шутки и, то и дело, спрашивал у кого-нибудь из нас:

– Когда же этот чёртов ветер утихнет? – и, прислушиваясь к порывам, непрестанно курил «Беломор».

Капитан небольшого железного катера «Вуквол», предоставленного нам для морских исследований, наблюдая нашу вселенскую тоску, переходящую в отчаяние, хмурил брови и грел руки о кружку с крепким чаем. В кубрике было тепло и уютно.

– А что если мы поработаем у мыса Певек? – неожиданно спросил он. – От ветра там хорошо прикрывает берег, да и разрешения на выход не надо, ведь местечко-то фактически на акватории порта.

Капитан катера Сергей Леонидович Гирбасов. Фото С. Гагаева.

Борис, отвечающий за погружения, спросил с сомнением, обращаясь к капитану:

– Сергей Леонидович, а что же, там совсем тихо?

– Ну не совсем, но работать, я полагаю, сможем.

Наш восторг, вызванный таким решением проблемы, описать трудно. Через полчаса катер уже отходил от причала.

По дороге казалось, что нашу резиновую пятиместную лодку вот-вот смоеет, хотя мы знали, что она крепко принайтвлена на корме. Минут через 15–20 катер поравнялся с обрывистым берегом. Под его прикрытием качка прекратилась. Власть Южака на время, которое мы будем находиться здесь, кончалась. Чувствовались только отголоски его буйства. Мы встали на якорь примерно в 120 метрах от берега. Несколько дальше ветер свирепствовал с прежней силой и гнал барашки в сторону острова Большой Раутан.

2

Прежде чем спускать водолаза для отбора количественных проб, обычно проводится разведка. Она состоит в том, что ныряльщик пересекает всё расстояние от берега до предельных глубин и решает, где нужно отобрать пробу.

Место определяется рядом факторов, главный – типичность ландшафта. Это нелёгкое дело под силу человеку выносливому и физически крепкому, к тому же необходимо обладать немалым опытом, чтобы сделать верный выбор. Обычно эту миссию выполнял Шеф – один из основоположников водолазного количественного метода².

Чтобы обезопасить работающих от всякого рода непредвиденных случайностей, которые кажутся на суше пустяками, а на море и, особенно под водой, превращаются в реальную угрозу для жизни, было решено привязать один конец верёвки к камню на берегу, а другой закрепить на катере. В этом случае никакой, даже самый неожиданный и сильный порыв ветра не застигнет врасплох.

В кормовом отсеке нашлось две бухты крепкой пеньковой верёвки. Привязав один конец к лееру, сбросили лодку за борт. Олег, удерживая «клипер» на привязи, дождался, пока Борис перебрался в него, и оттолкнулся от борта.

Готовя небольшой трал, мы с Виктором находились на корме катера и следили за тем, как двигается лодка. Тянувшаяся следом за ней верёвка с каждым метром затрудняла ход и оставляла за кормой пенный след. Несмотря на прикрытие, Борису приходилось грести изо всех сил. Вот он на короткое время остановился, чтобы снять тёплую куртку, и лодку быстро поставило бортом к волне. Борис незамедлительно вернул её в прежнее положение и с новой силой налёг на вёсла. Есть что-то необыкновенно притягательное в стремлении лодки навстречу волнам: движения гребца размеренны и рассчитаны до деталей; от этого зрелища нельзя оторваться.

² Метод основан на сборе животных различного размера с соответствующих площадей по пирамидальной схеме: 0,1; 1; 5; 10 м² и т. д., что позволяет наиболее точно оценить реальную картину количественного распределения донных животных.

Александр Николаевич Голиков – основоположник водолазного количественного метода. Фото О. К. Новикова.

Из-за сгона море довольно сильно отступило, и была видна узкая бурая полоса обнажившихся водорослей, да крупные, с позеленевшими боками, сланцевые глыбы. Каменистый берег упирался в обрывистый, мрачный, с ржавыми пятнами склон. Склон выглядел, словно слоистый торт, одну сторону которого нечаянно сплющили и коржи от этого сместились наискось в направлении неповреждённой стороны. Казалось, что этот обрывистый берег незыблем, нетронут и был таким со дня творения. Но так только казалось. К тому же, что свойственно воспринимать человеку? Разве не одни только изменения? Наверху, неподалёку, когда-то был вход в штольню и как раз под ним, наполовину погружённая в воду, валялась ржавая зековская тачка. Сколько миров, желаний, надежд погибло здесь?

Наконец Борис достиг берега и вытянул лодку на камни. Затем он отвязал верёвку и, обмотав её несколько раз вокруг большого камня, надёжно закрепил. После этого, спихнув

«клипер» в воду и взявшись за находящийся в воде конец, выгнутый огромным луком, стал передвигаться по направлению к катеру. Обратный путь занял значительно меньше времени – попутный ветер здорово помогал, а отсутствие верёвки-якоря не мешало движению.

Олег и Шеф были полностью готовы к тому времени, когда подошла лодка. Они быстро передали Борису всё необходимое оборудование и осторожно перебрались в столь внешне ненадёжную посудину. Несмотря на значительную загрузку, судёнышко двигалось быстро и споро, под действием тяги силой в шесть рук, достигло берега. Причалив, они вытянули лодку на гравий и стали готовиться к погружению. Шеф обрядился в жёлто-чёрный костюм «Садко» ещё на катере. Теперь нужно было надеть шлем, который почему-то называют «балдой».

Вряд ли тот, кому приходилось одевать «балду» на голову, сохраняет об этом приятные воспоминания. Шеф нагнулся к воде, зачерпнул немного в ладонь, чтобы смочить стекло маски. Затем он должен был непременно плюнуть на стекло и протереть его рукой в резиновой перчатке, чтобы оно в дальнейшем не запотевало. Мы не могли видеть всех деталей, но твёрдо знали, что ритуал будет соблюден. После чего шлем водрузили на голову водолаза, который стоял во время этой процедуры, широко расставив ноги и слегка наклонившись вперёд, будто собирался бодаться. Это был самый неприятный момент, – одевающемуся нужно было, изловчившись, просунуть голову внутрь и поймать зубами загубник. С помощью резинового обруча плотно прижали нижний край шлема к шейному кольцу, которое вблизи очень напоминает ошейник раба. Со стороны все выглядело так, словно Олег и Борис замыслили погубить Шефа, а он, повинувшись инстинкту самосохранения, всеми силами стремится им помешать. Далее настала очередь акваланга; его быстро надели на спину, пристегнули ремнями и присоединили дыхательную трубку к шлему. В довершение на поясе закрепили свинцовый груз и страховочный фал.

Олег Константинович Новиков – техник по водолазному оборудованию. Фото В. В. Потина.

Борис набрал в ласты воды, а Шеф надел их. Олег, не выпуская ни на секунду страховочного конца, уселся на носу лодки. Борис, оттолкнувшись от берега, легко заскочил в неё и устроился на вёслах.

В обязанности Олега входило внимательное наблюдение за сигналами, которые будет передавать водолаз, и отслеживание его движения по пузырям выдыхаемого воздуха. Естественно, что он сам мог подавать сигналы ныряльщику, если в том была необходимость.

3

Взяв у Олега маленькую мерную раму, к краям которой были привязаны брезентовые ведра с крышками и сетчатым дном – питонзы, Шеф, осторожно ступая, зашёл по пояс в воду и, удерживая страховку в левой руке, исчез под зеленоватой поверхностью моря.

Находящимся на поверхности было видно, как быстро двигалась лодка. Под прикрытием берега юго-восточный ветер поднимал слабую волну и помогал движению.

Я почему-то вспомнил о том, что рассказывал Шеф накануне. Представил на его месте себя, на гравии бухты Круглой в Белом море, прижатым ко дну осевшим из-за отлива припайным льдом. Почувствовал, как медленно холодеют пальцы, обжатые прорезиненной тканью скафандра; в памяти живо возникли фрагменты кошмарного сна, когда-то виденного мной. Я будто бы пробираюсь по бесконечной, постепенно суживающейся трубе, далеко впереди свет, но труба все уже и уже... Жутко. Всё труднее двигаться, тело плотно сдавлено со всех сторон. Душно. Желание одно – вырваться, но нечем дышать, нет больше места для движения вперёд... но можно проснуться. А что можно сделать, когда придавлен льдом и воздух в баллонах на исходе?

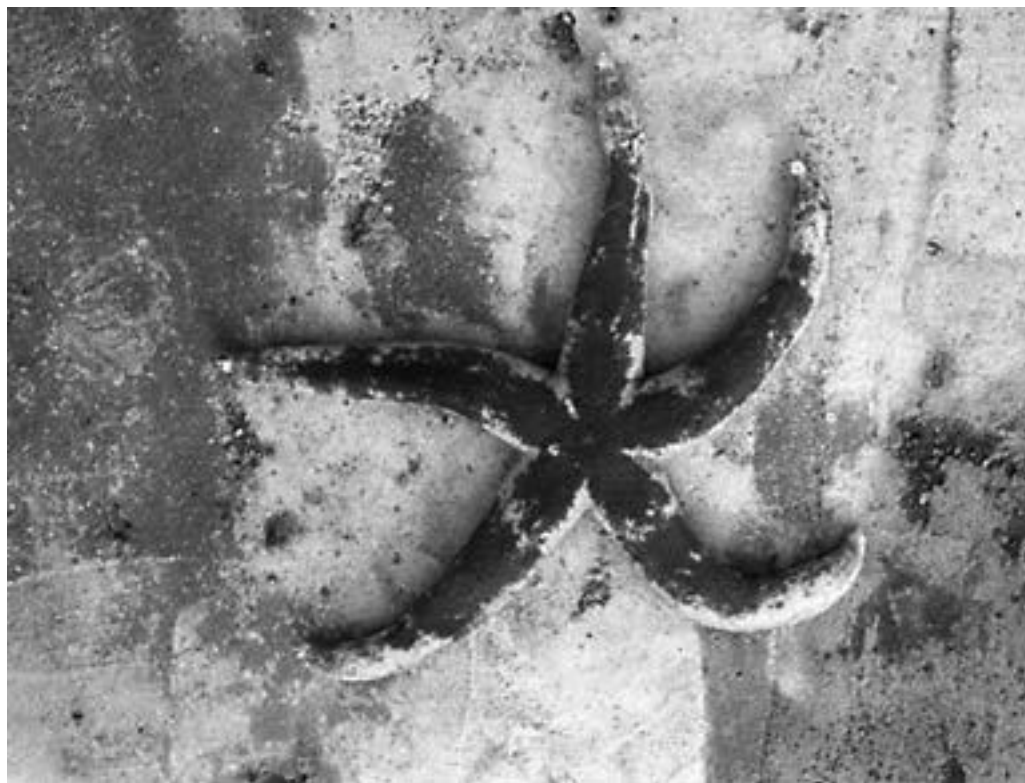
– Олег, как там дела, – спросил я.

– Нормально, тянет всюю.

Трудно не поддаться животному чувству самосохранения и не стремиться высвободиться из плена скорее, не слушая доводы разума. Ведь этот древнейший рефлекс, как ни парадоксально, губителен в данном случае – активные движения только быстрее израсходуют воздух в аппарате, вот и всё. Но легко рассуждать об этом, находясь в полной безопасности. Попробуй-ка собраться и медленно, очень медленно высвободить вначале одну руку, а затем другую, зная, что над тобой ледовая крышка, а воздуха в обрез. Не торопиться, когда вся твоя обузданная дикая суть требует спешки. Выжидая и задерживая дыхание до темноты в глазах, когда каждая клеточка желает кислорода, сначала по камешку, разрывая грунт под собой, подобно кроту, прорыть неглубокий тоннель и выйти из ледовых объятий. Смог ли бы я так? Не знаю!

Когда «клипер» почти подошёл к катеру, Олег крикнул:

– Поднимается! – и начал быстро выбирать верёвку. Мы увидели жёлтые фрагменты скафандра примерно с глубины три метра от поверхности. Шеф вынырнул с шумом, как большой разноцветный тюлень, удерживая в правой руке крупный пурпурного цвета предмет, который бросил на дно лодки. Затем он взял из рук Олега пробоотборник для мейобентоса и скрылся под водой, чтобы спустя короткое время вынырнуть снова.

Морская звезда *Henricia beringiana*. Фото В. В. Потина.

Пока Шеф отдыхал, держась за веревочный леер и прислонившись к влажному борту, Олег передал нам морскую звезду пурпурного цвета, пятилучевую, всю в пупырышках и respectableную, как член парламента. Виктор сбегал за линейкой, и мы её измерили. Она составила 20 сантиметров в поперечнике. Все очень удивились, потому что не ожидали встретить такой большой экземпляр. Впоследствии выяснилось, что звезда принадлежит к виду *Henricia beringiana* и встречается в морях Тихого океана, а для Арктики такая находка была необычной.

Тем временем Шеф с помощью знаков, понятных, вероятно, только ему и Олегу, попросил опустить раму, как стало понятно по следующим действиям и, переключившись на аппарат, ушёл под воду, окатив брызгами сидевших в лодке.

Закончив со снастями, мы с Виктором ещё раз рассмотрели звезду, и Слава сделал несколько снимков на цветную фотоплёнку. Потом подошли к борту, где стоял капитан и матрос, которого тоже звали Виктор. Олег покуривал «Беломор» и переговаривался с Борисом.

– Шеф устал, – сказал он, указывая на пузыри, поднимавшиеся почти непрерывно, – дышит часто.

– Ещё бы не устать, – согласился Борис, – он так тянул лодку, что я едва поспевал за ним.

После того, как Борис и Олег втянули Шефа в лодку и, отстегнув акваланг и пояс, сняли, наконец, «балду», мы увидели усталое лицо и слегка пьяные от переутомления глаза.

– Очень богатый участок. Звезду видели? – первым делом спросил он.

– Видали. Весь аппарат съел, – проворчал в ответ Олег, проверяя давление в акваланге. – Разве так можно! Почему на сигналы не отвечал? Я, было, собрался тащить.

– Я бы тебе вытащил! Дай лучше закурить, – Шеф с удовольствием затянулся папиросой.

– Не забудь, Александр Николаевич, – пробурчал Олег, гася спичку, – на берегу отдашь две.

Ни Олега и уж, конечно, Шефа никто и никогда не мог бы упрекнуть в жадности. Впервые столкнувшись с этим странным законом, зная, что и тот, и другой в обычных условиях одал-

живали друг у друга курево и раздавали папиросы каждому, кто хотел закурить, разумеется, я очень удивился и попросил Олега объяснить, почему так заведено. Но Шеф, находившийся рядом, опередил:

– Мы с ним давно договорились, что в море тот, кто стреляет, отдаёт за одну папиросу две. Только этот злодей постоянно наживает на мне, ведь у меня папиросы скорее кончаются.

4

Борис, облачившись в легководолазный костюм, с нашей помощью надел шлем и с предосторожностями был препровождён в лодку. Мы передали туда же акваланг. Олега сменил сын Шефа – Алексей, а место на вёслах занял «Наш Ильич». Он был молод, ещё студент, мы звали его так в шутку, и обладал удивительно лёгким характером. Его улыбку по утрам можно было принимать вместо лекарства от дурного самочувствия.

Пока мы помогали Шефу разоблачиться, лодка подошла к месту отбора и Борис, откинувшись назад, бултыхнулся в воду.

Пока Борис выполнял работу, мы рассматривали диковины, которые достал со дна Шеф. Не менее, чем пойманная звезда, нас удивили две крупные розовые актинии, с трудом поместившиеся в десятилитровом ведре. Каждая достигала более 15 см в поперечнике, а в высоту – около 10 см. Постепенно актинии раскрылись и выставили щупальца, очень похожие на пальцы новорождённого. Полупрозрачные тела морских анемонов были в действительности более прочными, чем казались и, трогая их поверхность, можно было убедиться в упругости и надёжности поверхностного покрова. В Арктике актинии – не редкость. Здесь встречается довольно много видов, достигающих самых различных размеров – от малюсеньких и невзрачных до внушающих уважение, вроде тех, какие попали к нам на палубу. Вначале мы отнесли их к роду *Tealia*, но в дальнейшем они были определены, как *Actinostola callosa*.

Тем временем в лодке произошло оживление – «Наш Ильич» вытащил раму и отвязал питонзы, бросив их на фанерное дно лодки. Далее Алексей помог поднышшему на поверхность Борису переключиться на атмосферный воздух. Затем лодка, довольно медленно передвигаясь вдоль верёвки, подошла к месту последней на сегодня станции...

5

После того, как с водолазными сборами было закончено и все непосредственные участники этих работ были благополучно приняты на борт, мы отошли подальше от берега, чтобы протралить дно на глубинах от 15 до 20 метров и взять там же дночерпательные пробы. За время, пока мы стояли на якоре, ветер не потерял своей мощи, а может быть, даже несколько усилился. Из-за дрейфа катера и сильной волны нам долго не удавалось зацепить должное количество грунта лёгким пробоотборником. Но наше упорство в конце концов было вознаграждено и мы получили то, что хотели.

Шеф, несмотря на только что выполненную тяжёлую работу, принимал живейшее участие в палубных делах.

Участники экспедиции Виктор Владимирович Петряшев и Алексей Александрович Голиков. Фото В. В. Потина.

Он с такой силой тянул верёвку трала, что рядом с ним я ощущал себя слабосильным ребенком. При этом он во весь голос распевал шэнти с не совсем приличным текстом, чем привёл всех стоящих рядом в безудержное состояние веселья. Вскоре и Борис, переодевшись, поднялся на палубу, чтобы присоединиться к нам.

Когда мы с Виктором принялись за промывку последней пробы, катер лёг на обратный курс. Хотя судёнышко «валяло» основательно, это как будто не мешало всем нам делать своё дело, да и окружающий мир приобрёл какие-то особые весёло-розовые оттенки. Даже вкус дыма из трубы катера почему-то стал отдавать «капитанским» табаком. Город, освещённый, казалось, медным и надраенным до блеска солнцем, выглядел прозрачным и чистым. Он жил одной жизнью с нами и морем.

У причала нас встретили моряки со стоявших тесным рядом катеров и буксиров.

– Слава Богу! – вместо приветствия сказал один из них. – Вернулись, наконец. А то один из ваших раза три прибегал – боялся, что потонули.

В машинном отделении, напоследок возвысив голос, замолчал двигатель. Капитан поблагодарил всех за работу, и мы, распрощавшись с командой и захватив фляги и ведра с собранным материалом, побрели в лабораторию. Нам предстояла обработка проб, которая будет длиться не один день. У нас было всё, что делает людей счастливыми.

6

Беснуется Южак, его истерика отлично слышна в лаборатории. Повадки ветра (если, конечно, правомочно говорить о ветре таким образом) за прошедшие годы не поменялись. Не изменилось и население залива. Я смотрю, как в аквариуме распускается розовая актиния *Stomphia coccinea*, близкая родственница той, какую достал со дна тогда Шеф, только поменьше размером. Взяв кусочек мороженой ряпушки, подношу его к анемону на кончике «копья». Едва касаюсь щупалец, и наживка схвачена – на глазах «цветок» превращается в «плод» – бледно-

розовый «помидор»: миллионами лет заучено и закреплено это движение. Рушатся империи, умирают города, вылетают в трубу банки, меняется лик планеты, но вопреки всему растения синтезируют сахар и выделяют кислород, а животные поедают растения и себе подобных. Ещё кусочек достаётся более скромной, сизого цвета хищнице.

Почему-то Южак теперь не веселит, как прежде. Он лишь швыряет снег в окна домов и отдаётся болью в голове. В стекле аквариума отражается уличный пейзаж. На берегу в гаражах ржавеет брошенная техника, дома зияют провалами выбитых окон; на рейде, когда-то оживлённом, нет ни одного судна. Ветер бешено хороводит с мусором. Не видно прохожих. Город, некогда полный жизни и желания трудиться, будто бы погружён в тяжёлый длительный сон. Он не один такой в Арктике. Его плоть – набережную, нервно, как мать потерявшегося и вдруг найденного щенка, лижет море. Как хотелось бы проснуться...

Уха из гольца

Моряк, это не только тот, кто ходит по морю. Практически все, кто изучает жизнь моря, считают себя моряками. Распространено мнение, что моряки к тому же народ суеверный. Уверяю вас, что это не совсем верно. Во всяком случае, я суеверием не страдаю. Что привести в доказательство? Ну, например, я спокойно продолжаю идти по своим делам, если дороге мне перешла чёрная кошка или навстречу попалась женщина с пустым ведром. Какие предрассудки! Ведь известно, что достаточно скрестить пальцы в кармане или трижды плюнуть через левое плечо, и всё тебе нипочём. Можно ли выходить в море в понедельник, да ещё тринадцатого числа, свистеть, находясь на судне или плевать за борт? Ну, уж это слишком! Конечно, ни в коем случае! Это никакое не суеверие, а доказанный неоднократно факт. Если нарушаешь правило, будь готов к неприятностям.

Однажды получилось так, что выход нашей экспедиции в море пришёлся-таки на понедельник, да ещё тринадцатого числа. Мало того, на борту небольшого катера оказалось ни больше, ни меньше, а ровно 13 человек. Ну, как нарочно! Погода стояла изумительная. Полный штиль. Море – как зеркало. Но наш капитан был явно не в духе, можно даже сказать, что у него было плохое настроение (что само по себе – большая редкость). Находясь поблизости, я слышал, как он сдержанно проклинал понедельник и неладное число. Когда же он увидел, что на катер зашла наша черноглазая лаборантка, чтобы пожелать нам удачи, его настроение просто перестало существовать (как выяснилось позднее, капитан считал её, и явно не без основания, ведьмой). У всех остальных настроение было превосходное. Мы шутили, обменивались впечатлениями, насвистывали весёлые мелодии – радовались хорошей погоде, в Арктике на это – особые причины.

Вначале всё шло великолепно: мы благополучно добрались до места, удачно отработали, зашли в устье реки, высадили на берег трёх наших товарищей для работы на биостанции и разжились двумя замечательными гольцами. Голец, как известно, относится к семейству лососевых. В Чаунской губе встречается три вида гольцов: голец Таранца, мальма и арктический. Кстати, гольцы есть не только в Северном Ледовитом океане и сопредельных морях, но и в озере Байкал, конечно, другого вида. Питаются гольцы молодью рыб сайки, песчанки, бычков и ракообразными. Гольцами питаются млекопитающие: белуха, человек и пр. Мясо гольца розового цвета, нежное, особенно хорош голец малосольный, но жареный и вареный тоже недурён. Голец рыба проходная – во взрослом состоянии обитает в море, нагуливается, а на нерест – в августе и осенью, идёт в реки. Молодь обитает в пресной воде 2–4 года, а затем скатывается в океан, где проводит около 4–5 лет. Считается, что зимовать голец также заходит в реки, потому что пресная вода теплее. Встречаются девятисантиметровые экземпляры при весе 9 кг (бывали случаи вылова 15-килограммового гольца; честно признаюсь – я таких не ловил). Рыба – голубоватого цвета с розоватым отливом, покрыта тёмными пятнами, чешуя мелкая и мягкая.

Гольцы. Фото В. В. Потина.

Мы сварили гольцов в большущей кастрюле, съели по тарелке вкуснейшей ухи и, пребывая в благодном расположении духа, приближались к мысу Матюшкина. Тем временем погода резко испортилась. Закрепив всё по штормовому, мы разошлись по своим местам. Дежурные по камбузу студенты Миша и Лёша закрепили кастрюлю с недоеденной ухой (лучше бы мы её доели), привязав её к плите кончиком верёвки.

В душном, жарко натопленном и прокуренном кубрике в носовой части катера качка переносится труднее. Не верьте тем, кто утверждает, что не укачивается вовсе. Укачиваются все без исключения – находиться в колебательном движении противоестественно для человека. Правда, все по-разному реагируют на качку. Я бы классифицировал людей по этому случаю на две группы. Одни во время качки стараются освободить от съеденного желудок, другие страдают от неумного аппетита. Привыкнуть к качке, как и к комарам, невозможно. Можно отвлечься, лучше всего работой. Однако есть люди, которые вообще не переносят волнения. Один мой знакомый укачивался уже на берегу, глядя, как волнуется морская поверхность. Другая крайность – индивидуумы, которые могут легко переносить самый жестокий шторм, классический пример – Иван Александрович Гончаров; по мнению экипажа фрегата «Паллада» он имел «морские ноги».

Погода совершенно испортилась, сизые море и тучи, снег с дождём, пронзительный северо-западный ветер в порывах до 27–30 метров в секунду, на палубу не выйти, да и нельзя – смоем мгновенно, видимость скверная; крепко привязанная на корме резиновая оранжевого цвета лодка трепещет и безуспешно стремиться взлететь. Рулевой держит катер носом на волну но, несмотря на полный ход, мы фактически остаёмся на месте. Движимый приступом чудовищного аппетита я, вспомнив об ухе, поднялся наверх, в малюсенький камбуз. Там царил

кромешный порядок. Кастрюля висела на тоненькой верёвке, издавая ритмичные лязгающие звуки, а её содержимое, словно перемолотое мощным миксером, тонким и удивительно ровным слоем покрывало пол, стены и потолок помещения; лучшего места для получения производственной травмы вряд ли можно найти. Но я каким-то чудом преодолел опасное место и, открыв дверь в рубку, с трудом втиснулся внутрь. Там было тесновато. Стоящий за штурвалом помощник капитана как раз рассказывал перебравшимся сюда из кубрика членам экспедиции увлекательную историю о том, как он тонул в Карском море. Обретя в моём лице ещё одного благодарного слушателя, он приветливо улыбнулся. В этот момент катер развернуло и положило на борт. К счастью, он почти тут же выровнялся, а штурвал бешено закрутился под рукой помощника и судно вновь стало носом на волну. При полном нашем молчании помощник капитана меланхолично резюмировал происшедшее, кивнув при этом на прибор, показывающий крен судна во время качки: «Ещё четыре градуса, и закат».

Мы счастливо переждали тот шторм и благополучно вернулись в порт. Однако капитан до сих пор считает, что мы легко отделались, лишь потому, что трёх человек высадили на биостанции для работы, куда заходили перед штормом, тем самым оставив на борту не «чёртову дюжину», а лишь десять человек. Я с ним согласен. Только об ухе до сих пор вспоминаю с сожалением. Уж больно хороши были гольцы. Правда, есть слабое утешение – мой друг сфотографировал тех рыб, и как мне кажется, получился неплохой снимок.

Полёт на водолазной раме или ода пескожилу

Даже не имея ни малейшего представления о том, кто такой пескожил, любой догадается, что существо явно живёт в песке, а не на дереве и не в собачьей будке. Этого многощетинкового червя мне не приходилось держать в аквариуме, но не отрицаю, понаблюдать за ним было бы интересно. Известно, что эти сравнительно крупные полихеты³ живут на песчаных грунтах мелководий северных морей и часто используются рыбаками Беломорья для наживки при рыбной ловле. Однако на Чукотке вряд ли кто ловит на них, скорее об их существовании в тамошних водах и не подозревают. Во всяком случае, о том, что эти «звери» населяют дно Чаунской губы, стало известно совсем недавно. Дело в том, что пескожилы, скажем, Белого моря обитают на дне осушной зоны – литорали. Но на северо-востоке приливы и отливы настолько незначительны (всего 0,5 м), что о литорали и речи нет. Однако они там живут, но, как правило, не опускаются глубже 5 м.

Наш катер, фактически со всем составом научной экспедиции на борту, стоял на якоре примерно в трёх милях севернее устья реки Чаун. Унылый ландшафт в районе впадающей в бухту реки разнообразили кажущиеся близкими сизые вершины высоких сопок. На северо-западе снежная вершина горы Наглейнын, оправдывая своё название зимней кухлянки, действительно напоминала сидящего на корточках великана в зимнем чукотском одеянии. Волнения почти не было, но вода, как обычно в приустьевом участке залива, была слабо прозрачной. Мы готовили к спуску водолаза.

³ Polychaeta – многощетинковые черви.

А. А. Голиков перед спуском. Фото В. В. Потина.

Глубина здесь небольшая, около пяти метров, и Алексей очень быстро оказался на грунте. Его мгновенно подхватило неожиданно сильное придонное течение и поволокло по дну. Он едва успел ухватиться за водолазную раму, метровый квадрат из стального уголка, его обычно накладывают на участок отбора проб. Попытался взять грунт в брезентовый мешок с сетчатым дном, но безуспешно. Течение было мощным, и преодолеть его влияние не удавалось. Алексей видел на волнистом и плотном песчаном дне редкие отверстия чьих-то нор, светлые пятна, вероятно, двустворчатых раковин и всё это не далее вытянутой руки. Всё, что было дальше, надёжно скрывалось в жёлто-буrom мраке мутной воды.

На поверхности мы наблюдали лишь следствие необъяснимых в данный момент действий водолаза: его скорое перемещение на северо-восток, о чём могли судить по страховочному концу, который держал Шеф, и туго натянутой верёвке, к которой была привязана рама.

Почуввав недоброе и дав сигнал о срочном подъёме, Шеф, не дожидаясь ответа, стал быстро выбирать лить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.